

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Домшенко Евгении Игоревны
на тему «Личный фонд как правовая форма обособления имущества в
целях управления частным капиталом», представленную на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация Домшенко Е.И. посвящена чрезвычайно актуальной и дискуссионной теме – личным фондам. В рамках работы автор предприняла попытку изучения имеющихся в российском и зарубежном праве форм обособления имущества, предполагающих создание юридического лица и обходящихся без этого, а после – нахождения места среди этих форм российским личным фондам.

Следует отметить, что желание автора взяться за такую новую для российского права тему можно только приветствовать и поддержать, для этого нужна научная смелость, учитывая, что во многих отношениях личные фонды на первый и даже последующий взгляд не вполне соответствуют сложившемуся в российском праве пониманию юридических лиц и их систематики, а также праву собственности и кажутся довольно серьезным вызовом с точки зрения защиты кредиторов.

Работа состоит из трех глав, первая из которых посвящена формам обособления имущества в российском и зарубежном праве, вторая – непосредственно личным фондам в российском праве, третья – проблеме управления и защите кредиторов.

Достоверность выводов, содержащихся в работе, подтверждается широким кругом российских и иностранных источников.

Вместе с тем с точки зрения источников бросается в глаза то, что автор широко ссылается на опыт стран континентальной Европы (в основном, Германии и Франции), при том что в исследовании не использовались источники на языке этих стран, за единичной ссылкой на немецкий источник, который впрочем порождает больше вопросов, например, о том, что если автор знает немецкий, почему она рассказывает о немецком опыте со ссылками на русскоязычные и англоязычные работы. Такой подход не отвечает критерию достоверности описания права этих стран и может стать причиной ошибочного понимания иностранного права. Любые фрагменты русскоязычных и англоязычных источников позволяют читателю лишь понять, на чем основывался автор этого источника, получить общее представление об иностранном праве, но никак не быть основой для собственных выводов последующего исследователя. Мало того, что автор диссертации берет на себя

риск ошибки перевода (как понял иностранное право русскоязычный или англоязычный автор, как понял англоязычный источник автор обсуждаемой диссертации), так ещё она не знает, что прочитал автор оригинального источника и каков авторитет использованных им источников об иностранном праве, каков контекст прочитанного.

Подход, избранный автором, сравним с тем, что какой-либо феномен описывается в пересказе, и на этом основании делаются научные выводы.

Озвученный недостаток тем более кажется существенным, учитывая, что во многом автор очевидно ориентируется на опыт стран континентальных стран как правопорядки наиболее близкие к российскому праву (например, см. положение на защиту № 3).

Среди выводов, сделанных в диссертации, которые однозначно заслуживают поддержки, можно упомянуть возможность признания учреждения частного фонда мнимой сделкой (С. 157-162), а также критический взгляд на допустимость внесения имущества третьими лицами в личный фонд (С. 86-88).

Остальные части работы вызывают следующие замечания:

1. Восприятие работы осложняет используемая диссидентом нестандартная терминология про подтверждающее и защитное обосновление (они еще бывают сильными и слабыми!), заимствованная из одного из англоязычных источников. В результате понять, что в каждом конкретном фрагменте текста имеет в виду автор, характеризуя те или иные формы обосновления имущества, было затруднительно. Зачем это нужно было делать, искренне непонятно, учитывая, что основной вопрос в этой теме, что с практической, что с теоретической точки зрения – могут ли личные кредиторы учредителя фонда обратить взыскание на имущество фонда (на право на получение доходов), и если да, то при каких условиях. Что из этого невозможно было выразить традиционной юридической терминологией и почему, осталось для автора отзыва неясным.

2. Написание научной работы предполагает поиск закономерностей, доказательств их наличия, анализ любой юридической конструкции в рамках парадигмы «равным за равное».

При прочтении первого параграфа о юридических лицах создается впечатление, что речь идет о поиске удобной формы структуры сделки, а не той самой научной истины, поскольку после беглого анализа коммерческих и некоммерческих юридических лиц перечисляются недостатки как тех, так и других, потому что они не удовлетворяют интересы потенциального учредителя личного фонда, который не хочет, чтобы его актив доставался кредиторам, даже в виде корпоративных прав, и не желает быть ограниченным идеальными целями, как в случае с некоммерческими организациями.

Однако подлинно исследовательский вопрос, видимо, должен быть поставлен совершенно иначе. Почему вся система юридических лиц не допускала до появления личных фондов такого, что можно обособить имущество и сделать его недоступным для кредиторов, одновременно извлекая выгоды от его использования и даже влияя на управление этим имуществом? Где и в чем ошибалась доктрина континентального права за два века развития корпоративного права? Увы, четкого ответа на этот вопрос у диссертанта не найти. И речь здесь, конечно, не о том, что строгое деление организационно-правовых форм на коммерческие и некоммерческие, как пишет диссертант, устарело, что само по себе верно, а о том, почему учредитель и бенефициары могут де-факто управлять фондом и получать выгоды от него, но тем не менее избегать обращения взыскания на имущество фонда со стороны кредиторов.

Точно так же оставляет этот вопрос открытым параграф работы, который посвящен конструкциям в иностранном праве, не предполагающим создание юридического лица. Диссертант просто перечисляет и очень кратко описывает их, при этом, упоминая о том, что ни во Франции, ни в Германии полностью скрыть имущество от кредиторов учредителя с помощью этих конструкций не получится, но никак это не комментирует. То есть эти правопорядки ошибаются? Что об этом думают в соответствующих правопорядках? Хотелось бы услышать комментарий диссертанта на этот счет.

В разделе об уже непосредственно российских личных фондах мы так же не находим обоснования того, почему же можно спрятать имущество от кредиторов. Таким образом, главный вопрос к диссертанту заключается в том, что если ни другие организационно-правовые формы юридических лиц, ни иные формы обособления в континентальном праве не предполагают такой возможности, то почему это оказалось возможным в российских личных фондах? Если собственность предполагает возможность пользоваться, владеть и распоряжаться, и если все это разрешено учредителю фонда, прикрываясь прослойкой в виде личного фонда, то каково же тогда обоснование того, что личный фонд – это не собственность учредителя?

Диссертант подменяет это обоснование критикой деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие (С. 77-79), хотя довольно очевидно, что это не главный довод против, не говоря уже о том, что аргумент диссертантом несколько искажается.

Личные фонды нарушают сложившуюся систему вовсе не потому, что организационно-правовая форма должна быть только коммерческой либо некоммерческой, а потому что они в принципе являются коммерческими, но без сопутствующих механизмов защиты кредиторов.

Дело в том, что совокупность характеристик личного фонда: 1) цель управления имуществом позволяет оправдать осуществление любой предпринимательской деятельности; 2) широкие права на вмешательство в управление личного фонда со стороны учредителя; 3) полная свобода в назначении выгодоприобретателя, не исключающая возможность назначения таковыми даже учредителя или близких ему лиц – подтверждают, что личный фонд может использоваться для коммерческих целей, т.е. для получения и распределения прибыли от деятельности фонда.

В коммерческих организационно-правовых формах юридического лица изолирование имущества сопровождается возможностью кредиторов и наследников обратить взыскание на права участия в юридическом лице (доли, акции, паи), что невозможно в личном фонде, который является некоммерческой унитарной организацией.

Более того, сама автор упоминает о том, что «под своим понимается не только то, что принадлежит лицу юридически, но и то, над чем лицо фактически осуществляет контроль, не имеющий под собой какой-либо самостоятельной каузы. Не должно существовать такой модели, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если тот продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания» (С. 93). Однако, несмотря на бросающееся в глаза несоответствие текущего регулирования личных фондов этому тезису, диссертант так и не делает никаких выводов из этого, ограничиваясь общим утверждением о том, что «заданные учредителем правила управления не подлежат изменению как ординарное действие без весомых на то причин (изменяя их, учредитель принимает на себя определенную степень риска стирания «экрана» между обособленным и своим личным имуществом, что должно предупреждать учредителя от излишнего вторжения в дела фонда и злоупотребления правом на изменение правил управления)».

При этом не вполне понятно, почему важно именно изменение, а не сама возможность изменять правила управления.

3. Пожалуй, самая убедительная часть диссертации посвящена тому, что у учредителя и бенефициара должны быть права на оспаривание сделок, на взыскание убытков в интересах фонда и на получение информации. Данные тезисы, кажется, вполне можно поддержать, правда, в этом случае правовая позиция таких лиц становится не так уж сильно отличимой от участников корпоративных юридических лиц (в случае с бенефициарами – от владельцев привилегированных акций), что автор вроде бы отрицает.

Вместе с тем несмотря на высказанные замечания, которые носят полемический характер, работа представляет собой вклад в российскую

дискуссию о правовом статусе личных фондов, а выводы автора имеют новизну и носят обоснованный характер.

Таким образом, диссертационная работа Домшенко Евгении Игоревны на тему: «Личный фонд как правовая форма обособления имущества в целях управления частным капиталом» на соискание ученой степени кандидата юридических наук является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи (выявление общих черт способов обособления имущества в гражданском праве и анализ личного фонда с точки зрения этих черт), имеющей существенное значение для гражданского оборота, развития законодательства и судебной практики.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, к работам подобного рода. Таким образом, соискатель Домшенко Евгения Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук (12.00.03), профессор департамента частного права факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: (12.03.01 – гражданское право; предпринимательское право, семейное право, международное частное право)

Кузнецов Александр Анатольевич

«8» декабрь 2025 года

Контактные данные:

Тел.: +7(919)729-73-49, e-mail: AAKuznetsovlaw@yandex.ru

Адрес места работы:

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультета права

Почтовый адрес: 119017, Москва, Большой Трехсвятительский пер., д. 3,

Тел.: +7 (495) 772-95-90

E-mail: aleksandr.kuznetsov@hse.ru

Сайт: hse.ru

Подпись заверяю

5 СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

КИСЛИНСКАЯ П.А.

08.12.2025

